

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда
N 114

Декабрь 2008 года

С. и Марпер против Соединенного Королевства [S. and Marper v. the United Kingdom] (жалоба N 30562/04)

Постановление от 4 декабря 2008 г. [Большая Палата]

Статья 8

Статья 8-1

Неприкосновенность частной жизни

Хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК по делам, в которых обвиняемые по уголовным делам были оправданы или их уголовное преследование было прекращено. *Допущено нарушение.*

Факты

В соответствии со статьей 64 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года [PACE], отпечатки и образцы ДНК, взятые у лица, подозреваемого в совершении преступления, могут храниться бессрочно, даже если последующее уголовное разбирательство заканчивается оправданием лица или прекращением в его отношении уголовного дела. В деле, рассматриваемом Европейским Судом, оба заявителя обвинялись в совершении преступлений, но не были признаны виновными. Первый заявитель, одиннадцатилетний подросток, был оправдан по обвинениям в попытке ограбления, в то время как отдельное разбирательство в отношении второго заявителя в отношении предполагаемых домогательств с его стороны к сожительнице было формально прекращено после примирения пары. Ввиду того факта, что они не были признаны виновными, заявители попросили о том, чтобы их отпечатки и образцы клеток были уничтожены, но в обоих случаях полиция отказалась это сделать. Их заявления о судебном пересмотре этих отказов были отклонены решением, которое было оставлено в силе по итогам апелляционного разбирательства. Принимая руководящее решение в Палате лордов, лорд Стейн [Steyn] отметил, что, даже допуская, что вмешательство в частную жизнь заявителей имело место, оно было очень незначительным и соразмерным преследуемой цели, поскольку материалы должны были храниться для ограниченных целей и не использовались без сравнительного образца с места преступления, в то время как расширенная база данных давала огромные преимущества в борьбе с серьезными преступлениями.

Вопросы права

(а) *Вмешательство.* Принимая во внимание характер и количество личной информации, содержащейся в клеточных образцах, включая уникальный генетический код, имеющий огромное значение как для соответствующего человека, так и для его или ее родственников, и способность профилей-ДНК обеспечивать средства идентификации генетических связей между людьми или возможность делать выводы об их этническом происхождении, хранение как клеточных образцов, так и профилей-ДНК, само по себе, являлось вмешательством в право заявителей на неприкосновенность их частной жизни. Хотя хранение отпечатков пальцев оказывает меньшее влияние на частную жизнь, чем хранение клеточных образцов или профилей-ДНК, уникальная информация, которую содержат отпечатки пальцев о соответствующем лице, и их хранение без его или ее согласия, не может рассматриваться как нейтральное или незначительное, и также представляет собой вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни.

(b) *Предусмотрено законом.* Хотя Европейский Суд, учитывая свои выводы по вопросу о том, было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе, не посчитал нужным разрешать вопрос о соответствии формулировки статьи 64 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам требованиям "качества закона", он все-таки отметил, что это положение являлось недостаточно точным относительно мер по хранению и использованию информации, содержащейся в образцах и профилях и условий, их сопровождающих, и что наличие ясных, подробных правил, регулирующих сферу действия и применение таких мер, а также минимальных гарантий, имело существенное значение.

(c) *Правомерная цель.* Европейский Суд согласился с тем, что хранение информации помогало идентифицировать будущих преступников и преследовало правомерную цель предотвращения преступлений.

(d) *Необходимо в демократическом обществе.* Относительно пределов рассмотрения Европейского Суда, вопрос, который ему предстояло разрешить, заключался не в том, могло ли хранение отпечатков пальцев, клеточных образцов и профилей-ДНК в общем считаться оправданным по Конвенции, а в том, было ли оправдано их хранение по делам заявителей как лиц, которые подозревались, но не были признаны виновными в совершении определенных преступлений. Основные принципы соответствующих документов Совета Европы и законодательства и практики других Договаривающихся государств требовали, чтобы хранение информации было соразмерно цели сбора и было ограничено во времени, особенно в сфере работы полиции. Защита, которая предоставляется статьей 8, была бы недопустимо ослаблена, если бы использование современных научных методик в системе уголовного правосудия разрешалось любой ценой и без тщательного уравнивания их потенциальных преимуществ и важных интересов частной жизни. Любое Государство, которое заявляет о своей ведущей роли в развитии новых технологий, несет особую ответственность за установление правильного баланса. В этом отношении всеобъемлющий и неизбирательный характер полномочий по хранению в Англии и Уэльсе был особенно поразительным, поскольку он позволял хранить информацию независимо от характера или тяжести преступления или возраста подозреваемого. Аналогично, хранение информации не было ограничено по времени, и возможности оправданного лица добиться исключения информации из общенациональной базы или уничтожение материала были ограничены. Также не было никакого положения о независимом пересмотре оснований для хранения информации в соответствии с определенными

критериями. Особую озабоченность вызывал риск нанесения ущерба репутации лиц, которые не были признаны виновными в совершении какого-либо преступления, и имели право на применение презумпции невиновности, и с которыми обращались так же как и с осужденными лицами. Хранение могло нанести особый вред несовершеннолетним, таким как первый заявитель, принимая во внимание их особое положение и важность их развития и интеграции в обществе. В заключение, всеобъемлющий и неизбирательный характер полномочий по хранению в той форме, в которой они были применены в деле заявителей, не обеспечил установление справедливого баланса конкурирующих общественных и частных интересов, и Государство-ответчик вышло за любые допустимые пределы свободы усмотрения в этом отношении. Соответственно, хранение представляло собой несоразмерное вмешательство в право заявителей на неприкосновенность их частной жизни и не могло рассматриваться как необходимое в демократическом обществе.

Постановление

Допущено нарушение статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

Статья 41. Установление нарушения является достаточной справедливой компенсацией причиненного морального вреда. Государство-ответчик должно осуществить под надзором Комитета Министров, соответствующие общие и/или индивидуальные меры.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования любой части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int